

АРХИТЕКТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИТАЛИИ: ОТ ДИДАКТИКИ БРУНО ДЗЕВИ К КОНЦЕПТУ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ

Ж. В. Николаева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
z.nikolaeva@spbu.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда,
проект № 24-28-01707, <https://rscf.ru/project/24-28-01707/>

Основное теоретическое поле, на котором встречаются философия и архитектура, – проблема среды обитания, в которой господствуют понятия идентичности места, производства пространства, образа единения с ландшафтом. «Архитектурная философия» – относительно новый междисциплинарный подход, который не столько учитывает архитектуру как часть философии искусства или даже философии техники, сколько рассматривает саму архитектуру как метод познания действительности. «Формальная логика» (правила, положения, следствия и условности) функционирования метаязыка архитектурных форм, эстетического, образного и визуального подходов с учётом определённых темпоральных характеристик в данном исследовании анализируются при помощи метода топологической рефлексии. Появление новых концептуальных подходов в архитектуре и градостроительстве последних тридцати лет объясняется особыми социальными изменениями постиндустриального общества: смещением акцентов с визуального / иконического на этическое и «устойчивое», в том числе в связи с новыми теориями постстимуланизма и межпоколенческой ответственности. В этом смысле итальянский опыт топологической рефлексии уникален. Возникший во многом на феноменологических основаниях, популярных в итальянском архитектурном дискурсе 1950–1960-х годов, этот подход сохраняется и в актуальных проектах работы с пространством, демонстрируя концептуальную преемственность. Актуализация такой методологии идёт параллельно с попытками осмыслиения возможностей использования мультисенсорных технологий. В практику также внедряются социологические концепты «чувственных полей». В целом можно говорить о появлении нескольких новых, но опирающихся на старые традиции тенденций, которые отводят архитектуре, реставрации памятников и урбанистике заметную, если не главную, роль в создании условий для резильентности территории.

Ключевые слова: архитектурная философия, Бруно Дзеви, философия архитектуры в Италии, резильентность, органическая архитектура, сенситивный подход, топологическая рефлексия

ARCHITECTURAL PHILOSOPHY IN ITALY: FROM BRUNO ZEVI'S DIDACTICS TO THE CONCEPT OF RESILIENCE

Zhanna V. Nikolaeva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

z.nikolaeva@spbu.ru

The main theoretical field in which philosophy and architecture meet is the problem of the habitat, which is dominated by the concepts of place identity, space production, and the image of cohesion with the landscape. "Architectural philosophy" is a relatively new interdisciplinary approach that does not consider architecture as part of the philosophy of art, or even the philosophy of technology, but considers architecture itself as a method of cognition of reality. The "formal logic" (rules, positions, consequences and conventions) of the functioning of the metalanguage of architectural forms, aesthetic, figurative and visual approaches are analyzed in this study, taking into account certain temporal characteristics, by the method of topological reflection. The emergence of new conceptual approaches in architecture and urban planning over the past thirty years is explained by special social changes in post-industrial society: a shift in emphasis from visual/iconic to ethical and "sustainable" concepts, including due to new theories of posthumanism and intergenerational responsibility. In this sense, the Italian experience of topological reflection is unique. Originated largely on the phenomenological grounds popular in the Italian architectural discourse of the 1950s and 1960s, this approach persists in current projects of space creation, demonstrating conceptual continuity. The actualization of this approach goes simultaneously with attempts to comprehend the possibilities of multisensory technologies. Sociological concepts of "sensory fields" are also being introduced into practice. In general, we can talk about the emergence of several new trends, yet based on old traditions, which assign architecture, renovation and urbanism a significant, if not the main, role in creating conditions for a territory's resilience.

Keywords: Tarchitectural philosophy, Bruno Zevi, philosophy of architecture in Italy, resilience, organic architecture, sensitive approach, topological reflection

DOI 10.23951/2312-7899-2025-2-159-174

Введение

Архитектурная философия используется в предлагаемом исследовании как универсальная дисциплина, имеющая целью анализ пространственных измерений различной природы. Культура связана с необходимостью освоения территории и в физическом, и в метафизическом аспектах. Наряду с социальными «правами на

город» и правом на культурное разнообразие, в фазе антропоцен- на также активно обсуждается право на визуальную экологичность образной среды. Интеграция архитектуры в уже сложившиеся пространства происходит через многочисленные интерпретации и переосмысления, что является актуальным вопросом и для философии, и для дидактики теории архитектурно-пространственных форм. Современный философ П. Боянич провозглашает переход к «архитектурной философии» [Bojanić, Đokić 2015], как к опыту, предложеному Питером Айзенманом в его полемике с Жаком Деррида [Eisenman 2007], по нескольким основаниям. С одной стороны, архитекторы часто следовали за идеями, подсказанными им философией, а с другой, «архитектор сам себе мыслитель, способный разрабатывать теоретические предпосылки к своей работе» [Bojanić, Đokić 2015, 81]. Подобные размышления можно найти и в книге «Архитектура как пророчество» [Zevi 1993] известного итальянского теоретика преподавания архитектуры Бруно Дзеви (1918–2000). Крупные теоретики архитектуры, являясь также и практиками, создали в XX веке несколько значительных для философии архитектуры концептов и, вероятно, создают их и сейчас. Прежде всего, это понятия об органической архитектуре, городе как «сумме всех эпох» (А. Росси), «медленной архитектуре», «чувственном городе» (К. Ратти) и резильентности территории обитания. Как можно заметить, в отличие от современных им идей в философии архитектуры, (например, психогеографии, деконструкции и иммунологической концепции П. Слотердайка), они смотрят на предмет изнутри, используют категорию времени, концепцию сохранения и бережного единения с пространством как с метафизической сущностью даже в большей степени, чем философы. И именно топологическая рефлексия даёт им методологическое основание для аналитики локального топоса изнутри самого топоса.

Основной целью данной статьи является намерение показать, что современные концепты резильентности, адаптивной архитектуры и сенсорного проектирования если не полностью, то во многом восходят к дидактике Бруно Дзеви. Для этого мы покажем, как в середине XX века формировались мировоззренческие и архитектурные около-феноменологические тенденции, когда в те же годы Б. Дзеви формулировал свои принципы, а также рассмотрим его профессиональный преподавательский подход для того, чтобы оценить его актуальность в свете некоторых преобладающих направлений века следующего.

Топологическая рефлексия в свете метода архитектурной философии

Сторонники архитектурного примордиализма и органической архитектуры настаивают на существовании такой формы, при которой возможно единение с первозданной природой при сохранении антропоцентрической идентичности человека, отрицая условие необходимого насилия над пространством. На архитектурную теорию второй половины XX века существенно повлияло понимание пространства у М. Хайдеггера как высвобождение-отчуждение мест для человеческого обитания. В такой картине мира пространство предстаёт как место, где человек узнаёт себя. Этот тип логики способствует выделению как микро-, так и макросоциальных пространств — домов, городов, дорог и общественных сооружений в топологическую ментальную карту пересечений коллективных культурных идентичностей.

Примордиальный ландшафт стал осознаваться как место спасения и получил эсхатологическое измерение, в основном в XIX веке, как место общего дела и необходимой составляющей аскетического идеала красоты. Примордиалистская чистота влекла архитекторов XX века, таких как Бруно Дзеви, из-за её феноменологического оправдания вторжения в богосозданную природу. И в исконно-русском понимании ощущение красоты постройки связано с характерным «пейзажным мышлением», о чём писали Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, А. П. Чехов, Н. А. Бердяев, М. В. Нестеров, Д. С. Лихачев. «...Эта духовность сосредоточенно выражала местное отношение к ландшафту как к предмету длительного созерцания...», — отмечает исследователь архитектурно-ландшафтного устройства русских монастырей иеромонах Дометиан [Маркарян 2018, 104]. Пейзажное мышление было характерно и для послепетровской архитектуры, хотя и появился иностранный ландшафтный дизайн. И именно «вписанность» в природную среду отличает и объединяет архитектуру Руси, Италии, органическую архитектуру.

В своих размышлениях 1970-х гг. М. Фуко предложил рассматривать некоторые пространства как девиантные и, в принципе, учитывать во всём комплексе размышлений о территории всё, что не является социальной нормой, не представляет собой архитектуру наиболее знаковых и означающих построек (храмов, дворцов, крепостей), как это делали раньше [Фуко 2006]. В интеллектуальную историю пришло представление о гетеротопологических инвари-

антах и особенностях ландшафта, территории, архитектурных сооружений. Б. Дзеви включает в свою дидактику пространства анализ территории согласно собственным «инвариантам»: изучать с максимальной внимательностью всю архитектуру, которая раньше таковой не считалась, например, вспомогательные сооружения, дороги, оросительные каналы и сельскохозяйственные трансформации ландшафта [Zevi 2018]. Согласно программе Б. Дзеви, в преподавание истории архитектуры должны быть включены: история второстепенных зданий, поскольку они важны для «демократизации истории архитектуры»; история градостроительства как грандиозный мост между социально-экономической историей и историей искусства; история ландшафта как результат симбиоза между аграрными модификациями и архитектурными вмешательствами; история неевропейского архитектурного опыта, так как необходимо преодолеть психологический барьер, заключивший воображение в пределы европейского восприятия пространства. Без этого, считал итальянский мыслитель, невозможно учесть временные промежутки, текучесть различных пространств, которые сжимаются, расширяются, взрываются, но собираются заново, а также преемственность между зданиями, городом, ландшафтом, территорией. Всё, что создаётся на земле, по его мнению, является производным от пространственной концепции и образа территории.

Общим во взглядах М. Фуко и Б. Дзеви является то, что они оба предлагали рассматривать архитектурные пространства и ландшафтную среду как результат мысленных и целенаправленных усилий цепных социумов-организмов предшествующих эпох, а не отдельных их представителей. Здания, органично вписанные в окружающий ландшафт и следующие местной традиции, – это старая добрая практика, о которой писал ещё Л.-Б. Альберти, проводя аналогии с языками-диалектами итальянских стран в XV веке. Альберти также создавал учение о выборе местности, видовых линиях, ею формируемых, о видах, формах и фигурах участков [Альберти 1935]. Так что кажущаяся ультрасовременной тенденция регионализмов в архитектуре на самом деле имеет глубокие корни, вплоть до ренессансного неоплатонизма.

В наши дни будущее рисуется уже как процесс всё большего вовлечения в различные сети коммуникации, в процессы ускоряющейся дигитализации, то есть в сторону всё большей усложнённости топологии. Пространство исследуется в качестве сетевого объекта, наполненного смысловым содержанием, обусловленным соотношением и работой множества сетей и акторов, но топологический принцип сохраняется.

Пространство как фильтр

В своей интерпретации пространства Б. Дзеви был близок к «спациалистам»: Ги Дебору, Анри Лефевру, Мишелю Фуко, художникам Арте Повера. Спациалистские теории, то есть пространственные формы, в которых просматривается и отражается социальная активность и материальная культура, были характерны для своего времени (времени развития теории архитектуры постмодернизма). Особое внимание уделялось перформативности, провокативности и диалогичности архитектурных форм. При этом отношение к спациалистским задачам у Б. Дзеви, М. Хайдеггера и других философов различается.

Во всех работах Б. Дзеви даётся определение пространства как основного элемента для формирования ощущения визуального комфорта и у индивидуума, и у общества. «Мы будем продолжать использовать такие слова, как “ритм”, “масштаб”, “баланс”, “масса”, не понимая их значения, пока мы не дадим им конкретную точку применения в реальности, в которой конкретизируется архитектура: пространство», – писал Б. Дзеви в своей первой крупной работе «Уметь видеть архитектуру» (1948) [Zevi 2004], не изменяя своим убеждениям и в дальнейшем. Пространство – это фильтр, через который все элементы и компоненты получают свою архитектурную легитимность; в противном случае это просто персонаж в поисках автора. Основная идея заключена в придуманном самим архитектором неологизме «урба-тектура» – общем видении, в котором урбанизм и архитектура полностью интегрированы и неотделимы [Дзеви 1972].

Сложная система постмодернистского сочетания и смешения эпох, семантических контекстов и новых технологических возможностей преподавалась итальянцами на родине и за рубежом¹ через богатую внутреннюю картину мира, которой обладает практически любой образованный итальянец от рождения: представление о естественности наслоений тысячелетних артефактов и техник, самим временем «уложенных» в архитектоническую гармонию. Нужно только «уметь увидеть».

Леонардо да Винчи придумал «науку видеть» – *saper vedere*. Архитектор Бруно Дзеви – науку о том, «как видеть архитектуру». Интересно, что глагол «*sapere*» означает сразу два действия (в том числе и во многих других языках): уметь и знать. Лучший пример понимания его значения – *saper suonare* – уметь играть на музы-

¹ Альдо Росси и Бруно Дзеви подолгу преподавали в США и других странах.

кальных инструментах, то есть одновременно иметь и практический навык, и знание музыкальной грамоты. Для формирования у студентов незамутненного и в тоже время «насмотренного», опытного и понимающего взгляда на архитектуру прошлого Б. Дзеви создаёт контекстную программу, каждый элемент которой подчиняется общему принципу, – объект рассматривается как элемент визуально-пространственной среды. Предметно-пространственная ситуация для автора имеет философский аспект и есть порождение философии пространства и философии искусства.

Б. Дзеви настаивает на том, что архитекторов нужно научить «уметь видеть» пространственную форму. Иначе говоря, он настаивает на существовании реальности пространственной формы, которая полностью независима от стилистической точки зрения, реальности без знаков: она отсылает к противостоящей мифу нулевой степени, теоретизированной Роланом Бартом в последней главе «Мифологии» [Барт 1996]. Р. Барт утверждает, что «в конце концов, только нулевая степень может противостоять мифу». Б. Дзеви отмечает, что, «возможно, “нулевая степень”, освобождённая от всех уз до состояния предопределённого языка и больше не служащая торжествующей идеологии, и сама по себе является мифом» [Zevi 1993, 163].

В списке своих «Анти-правил архитектуры» Б. Дзеви осуждает архитектуру перфекционизма, идеальные теории Ренессанса, картезианскую строгость рационалистов за то, что там нет истинного выражения пространства. Так же и багаж затемнённых, ненужных представлений влияет на качество вкуса архитектора и дизайнера, являя собой профанирование истинной красоты. Для настоящего высокого искусства надо ещё и уметь «развидеть» ненужное, избыточное или искусственно редуцированное. Не случайно одна из первых неоплатоновских Академий в Италии называлась «Академией очистки от шелухи», при этом традиционный итальянский взгляд на собственный предмет науки всегда мыслит с оглядкой на первых национальных теоретиков.

Б. Дзеви подкрепляет свою концепцию, отталкиваясь от определения постмодерниста Итало Кальвино, который говорил, что классическое произведение искусства – это то, что никогда не заканчивает говорить то, что оно должно сказать [Zevi 1993, 161]. Когда создавалась архитектура прошлого, принятые решения были чрезвычайно современными, в связи с этим стоит проанализировать их с точки зрения заложенных в них процессов и идей. Скорее всего, они также актуальны и в наши дни. Основной принцип: важно изучать историю архитектуры, исследуя то, чего хотели достичь

(сказать) мастера прошлого, а не конечное здание только в его компонентах.

Таким образом выстраивается теория архитектуры не только как эстетической организации пространства, но и как деятельности по конструированию социальной реальности и деятельности, включённой в социальное планирование. Важно подчеркнуть, что эта деятельность во всех смыслах имеет четвёртое измерение: «Четвертое измерение достаточно для того, чтобы определить архитектурный объём, то есть образуемую стенами коробку, в которой заключено пространство. Но пространство в себе – сущность архитектуры – выходит за пределы четвёртого измерения. Сколько же измерений имеет в таком случае эта архитектурная “пустота”, пространство? Пять, десять. Если угодно, бесконечное множество <...> архитектурное пространство не поддаётся определению в категориях измерений живописи и скульптуры. Это явление, которое получает конкретное воплощение только в архитектуре и которое поэтому определяет её особый характер» [Дзеви 1972, 469].

Архитектурная философия Бруно Дзеви в XXI веке актуальна тем, как теоретик представлял проблему визуализации пространства: необходимо сначала представить пустоты, внутренние полости, а затем представить планы и объёмы, структурированные в соответствии с ними. Критикуя методологический псевдоисторизм, Б. Дзеви стремился создать образовательную стратегию для своих студентов, нацеленную на проектирование органической пространственной визуально-комфортной среды. Он показывает, что город есть дом, где живут люди; таким образом, пространственная проективность должна сфокусироваться на объёмах коллективного действия (то есть на содержании), а не на оболочке занятого пространства. Следовательно, внутреннее содержание само продиктует внешние формы.

Уроки прошлого для будущих поколений

Бруно Дзеви был теоретиком в эру интерпретационного мышления, но сумел посмотреть на него критически и предвосхитить в своей архитектурной философии процессы технологической революции в проектировании, вплоть до 3D моделирования и использования аналитики «больших данных», для учёта всех параметров при помощи создаваемых уже при его жизни моделей искусственного интеллекта [Ardizzola 2018]. В своё время он настаивал на использовании киносъёмки пространства и зданий при

проектировании и образовании архитекторов (взгляд в движении) как на обязательном элементе процесса. Архитектор называл это «непосредственным восприятием» [Дзеви 1972, 486]. Подобный научный подход, предполагающий «обязательную “лабораторную” верификацию гипотез», впоследствии предлагал использовать в архитектурном проектировании Н. Салингарос [Бембель 2023].

Актуальная философия архитектуры в мире признаёт, что человеческий социум является потребителем архитектурного продукта как *homo consumens qua homo valens* (человек потребляющий как сильная сторона человечества (лат.)), где потребительские нужды становятся источником нового вида капитала. Этот новый капитал заставляет переосмыслить архитектурное мировое наследие, актуальные задачи архитектуры и ответственность за оставленные будущим поколениям сооружения в радикальном смысле (поворот к философии ответственности перед будущими поколениями). В конце эпохи капитализма наметились некоторые новые формы работы с архитектурным пространством. Они связаны, прежде всего, с так называемым «чувственным», или «сенситивным», подходом к моделям обитания и объединения людей на территории. Речь идёт о нескольких актуальных теориях архитекторов, претендующих на создание собственной целостной картины мира, наподобие философии, среди которых выделяются «медленная архитектура, медленный город и медленный дизайн» (о них мы писали отдельно), адаптивная архитектура Н. Салингароса (его теория хорошо известна российским читателям), а также резильентная архитектура и «чувственный» город. Остановимся подробнее на последних.

Одна из форм эстетической и материальной устойчивости, выраженная через образ упругости и эластичности, – резильентность. Лишь немногие среды и объекты обладают такой внешне выраженной формой устойчивости. В отличие, например, от растворённой в пространстве «нулевой архитектуры» Жана Нувеля или неуравновешенной архитектуры деконструктивизма, резильентная архитектура уверенно располагает себя и в примордиальном ландшафте, и в пространствах виртуальных, опираясь, во многом, на человека. От природы человек не так вынослив, как человек культуры антропопцена. Создавая и модифицируя среду, он опирается всегда на вызовы современной ему эпохи. Резильентность = жизнеспособность, для достижения которой используются самые разнообразные формы синтеза и противопоставления внешним рискам. Так, в основаниях концепта резильентности лежит представление о «гибкой устойчивости», а на практике – «сознательное проектирование по-

вторного использования и длительности использования» [Besana, Greco, Morandotti 2018]. В этом смысле практика полностью совпадает с идеями, изложенными в манифестах и текстах теоретиков «медленной архитектуры» [Frigerio 2014]. Кроме этого этической экспертизе подвергается сама целесообразность того или иного сооружения, а также выбор материалов, возможность их экологической утилизации в дальнейшем и даже уровень затрат ресурсов на доставку этих материалов. Таким образом, резильентная архитектура не только возникает как ответ на архитектуру постмодернизма – «архитектуру деконструкции и нестабильности», но и является попыткой повысить шансы биологической и эмоциональной устойчивости социумов в условиях быстро меняющегося ландшафта рисков и последовательностей плохо прогнозируемых событий.

Различие подходов состоит в том, что «адаптивная архитектура органична человеку» [Бембель 2023], а резильентная позиционирует себя как органичная культурному и природному ландшафту под эгидой чувственности и даже влияет на конструирование смыслов и идентичности территории [Colucci 2012]. Подчеркивается устойчивость её внутреннего концептуального послания. Современный исследователь Андреа Лонги на примере изучения церковной архитектуры, понимаемой как экскурс в историю социальных процессов, говорит о резильентности как о «деликатной взаимосвязи между адаптивностью и устойчивостью, то есть о способности памятника архитектурного наследия реагировать инновационным образом на давление и травмы, сохраняя свою узнаваемость после любых вмешательств» [Longhi 2019]. Специалист по резильентности способен распознавать и обсуждать широкий спектр ценностей, которые исторически определяли процессы принятия решений по преобразованию культовых зданий. Идентификация множественных социокультурных факторов и процессуальный анализ «резильентности» определённых мест, по мнению А. Лонги, может стать полезным при принятии решений об уничтожении или реконструкции недостаточно используемого или заброшенного церковного наследия.

Поколение «зумеров» и поколение «альфа» живут в эпоху искусственного интеллекта, который уже умеет сравнивать и проектировать благоустройство «устойчивых» и «адаптивных» городов, моделировать рендеры построек и превращать спутниковые снимки в карты с нанесёнными на них 3D-объектами. Поскольку, в целом, философия метамодерна сходится в том, что эти два новых поколения – поколения «эмо», то развитие навыка работы с городскими

сенсорными данными должно не только оптимизировать процесс проектирования, то есть идти по пути pragmatизма, но и пытаться лучше понять, что в действительности нужно «детям» будущего, в жизни которых будет смешан цифровой режим с какими-то остатками фрагментированной реальности, вероятно, в виде «игр» с переключением режимов-регистров.

Мультисенсорные средства коммуникации позволяют архитекторам обращаться к более широкой аудитории, и такое новаторство, кажущееся поначалу экспериментальным и грубым вторжением в область эстетического, постепенно занимает своё место в городской среде. Поэтому, вероятно, архитекторы будущего будут вынуждены планировать не столько среду обитания, сколько все возможные зоны («порталы») для перехода из пространства одной идентичности в другую, места (локуса) не имеющего, работая с чётвертым измерением и расширяя его присутствие до Зримого.

Современный теоретик и архитектор, автор сотен научных публикаций Карло Ратти снова ищет место архитектуре в пространстве, где сознание и окружающий мир существовали бы без конфликта, – это наше тело здесь и сейчас. Он превращает невидимые данные в физическую реальность, исследуя психологию привлекательности новых условий для горожан – от летающих световых пикселей до чувствительных к движению водопадов, конфигурация которых определяется настроением человека, а настройка может быть осуществлена через приложение на личном смартфоне. Свою теорию К. Ратти условно называет «Senseable City: Reactive Architecture», то есть город «чувствует», а архитектура должна реагировать, как будто бы у неё есть чувства и сознание [Ratti 2004]. Теперь, утверждает Ратти, исходный материал в виде данных столь же глубоко изменит архитектуру: «Репертуар расширился с появлением ИИ, и он продолжает расти с развитием интернета вещей. Всё это меняет то, как мы взаимодействуем с окружающей средой, поэтому архитекторам и дизайнерам жизненно важно научиться играть с этим новым материалом» [Duarte, Ratti 2019]. С точки зрения К. Ратти, уже в ближайшее время архитекторы будут способны превращать эмоциональные потребности в алгоритм, включая его в процесс проектирования, а пространства станут «настраиваемыми» [Ratti, Claudel 2016].

Заключение

Бруно Дзеви использовал в качестве критерия для изучения влияния примеров архитектуры и работы с ландшафтной средой тер-

мин «субверсивный» (букв. «ниспровергающий»), вероятно, следуя за эстетическим открытием Т. Адорно. Субверсивность некоторых визуальных образов, производимых архитектурой, заключается не только в разрушении традиций восприятия, но и в ниспровержении более глубинных символических структур, которые могут свидетельствовать о структурной смене социального.

Следуя идеям Б. Дзеви, мы можем увидеть, как в XX веке были неправильно определены пределы и задачи архитектурной практики, а именно – соотношения чувства пространства и внешнего впечатления, производимого объектом, что сначала привело к международному стилю, а затем к постмодернистской иконической архитектуре. Визуально² в качестве архитектуры мы получили фасад, который отображает монотонность повторения, искусственность среды и перебрасывание основных усилий на внутренний дизайн помещений.

В целом, для итальянской художественной культуры и архитектурной философии характерен традиционализм. Коммуникативные системы, лежащие в основе жизни итальянского города, предполагают постоянное обращение к прошлому, восприятие его моделей в языке, литературе, архитектуре, визуальных образах, традициях и обычаях. Так, через пластики истории и современности формируются представления о городе, выходящие за рамки территориальных; город может рассматриваться как изменчивая пространственно-сетевая структура, обладающая устойчивым ядром организации смыслов. Об этом писал еще А. Росси в 1960-е гг. в «Архитектуре города» [Rossi 2017].

Общая направленность традиции архитектурного философствования в Италии выражается формулой известного исследователя философии М. Хайдеггера и автора нескольких собственных эстетических концепций – Джанни Ваттимо: «Обитать прежде, чем строить» [Vattimo 1982]. В статье, опубликованной в архитектурном журнале *Casabella*, он доказывал, что исконный, до-культурный, первоначальный опыт – это опыт места, среды обитания. Эта статья была ответом-рефлексией на хайдеггеровское эссе «Строительство, жительствование, мышление». Полемизируя с известным феноменологом, Дж. Ваттимо утверждал, что «обитание», то есть «жительствование», понимаемое как владение пространством, предшествует не только строительству, но и акту мышления об этом строительстве. Органическая архитектура и концепт резильиентности также строятся вокруг проблемы места обитания. Оби-

² Б. Дзеви сравнивал это с пантомимой.

тать – не владеть, а установиться, соединиться с местом, созерцать его прошлое и настоящее. Именно на этом фоне для человека появляется возможность обратиться непосредственно к осуществлению своей жизненной траектории, самоидентификации. В конце концов, «иметь идентичность, значит быть, а не иметь», – как заметил ещё Э. Фромм [Фромм 1990, 3–5].

Взаимосвязь «метафизики» и «технической стороны проектирования» при рассмотрении их развития в философии архитектуры в целом проливает свет на теоретические подтексты понятий «архитектурный образ», «целеполагание в архитектуре» и «топологический метод» в изучении культурного ландшафта. Архитектура как форма искусства, объект дизайна или иной объект – от функционального до воплощённого или изъятого пространства – предполагает чувственную перцепцию объёмов и местоположений. Социальные и моральные проблемы пользования объектами и территориями, сохранение, наследие, экология, в том числе и межпоколенческая ответственность, моральная ответственность и права архитектора, формируются на основании той культурной модели, которая определяется взаимоотношением человека с пространством и территорией, с так называемой средой обитания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альберти 1935 – Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве: в 2 т. / пер. с ит. В. П. Зубова. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935. Т. 1.
- Барт 1996 – Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Бембель 2023 – Бембель И. О. Никос Салингарос и его критерии адаптивной архитектуры // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2023. № 2. С. 52–57.
- Дзеви 1972 – Дзеви Б. Из книги «Уметь видеть архитектуру» // Мастера архитектуры об архитектуре / под ред. А. В. Иконникова, И. Л. Маца, Г. М. Орлова. М.: Искусство, 1972. С. 466–488.
- Маркарян 2018 – Маркарян Д. А. (иеромонах Дометиан). Некоторые особенности архитектурно-ландшафтного комплекса древнерусского монастыря // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 3 (13). С. 99–110.
- Росси 2017 – Росси А. Архитектура города / пер. с ит. А. Голубцовой. М.: Strelka Press, 2017.
- Фуко 2006 – Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью /

- пер. с фр. Б. М. Скуратова; под общ. ред. В. П. Больщакова. М.: Практис, 2006. С. 191–204.
- Фромм 1990 – *Фромм Э. Иметь или быть?* / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- Ardizzola 2018 – *Ardizzola P. History will teach us everything. Bruno Zevi and the innovative methodology for future design // Esempi di Architettura.* 2018. Vol. 5 (1). P. 5–11.
- Besana, Greco, Morandotti 2018 – *Besana D., Greco A., Morandotti M. Resilienza e sostenibilità per il riuso del patrimonio costruito // Techne – Journal of Technology for Architecture and Environment.* 2018. Vol. 15. P. 184–192. doi: 10.13128/Techne-22093
- Bojanić, Đokić 2015 – *Bojanić P., Đokić V. La filosofia architettonica // Rivista di Estetica.* 2015. Vol. 58. P. 81–88. doi: 10.4000/estetica.427
- Colucci 2012 – *Colucci A. Le città resilienti: approcci e strategie.* Pavia: Jean Monnet Centre, 2012.
- Duarte, Ratti 2019 – *Duarte F., Ratti C. Designing cities within emerging geographies: the work of Senseable City Lab // The New Companion to Urban Design.* London; New York: Routledge, 2019. P. 561–570.
- Eisenman 2007 – *Eisenman P. A reply to Jacques Derrida // Eisenman P. Written into the void, selected writings 1990–2004.* New Haven; London: Yale University Press, 2007.
- Frigerio 2014 – *Frigerio E. Slow architecture: istruzioni per l'uso. Lettera Ventidue Edizioni,* 2014.
- Longhi 2019 – *Longhi A. Storie di architettura ecclesiale e processi di patrimonializzazione: valori, resilienza, adattività, riuso // BDC. Bollettino Del Centro Calza Bini.* 2019. Vol. 19 (1). P. 9–26.
- Ratti 2004 – *Ratti C. Space syntax: some inconsistencies. Environment and planning B // Planning and Design.* 2004. Vol. 31 (4). P. 487–499.
- Ratti, Claudel 2016 – *Ratti C., Claudel M. The city of tomorrow: Sensors, networks, hackers, and the future of urban life.* New Haven; London: Yale University Press, 2016.
- Vattimo 1982 – *Vattimo G. Abitare viene prima di costruire // Casabella: Rivista internazionale di architettura.* 1982. Vol. 485. P. 48–49.
- Zevi 1993 – *Zevi B. Zevi su Zevi: architettura come profezia.* Venezia: Marsilio, 1993.
- Zevi 2004 – *Zevi B. Saper vedere l'architettura. Saggio sull'interpretazione spaziale dell'architettura.* Torino: Einaudi, 2004.
- Zevi 2018 – *Zevi B. Architettura e storiografia: le matrici antiche del linguaggio moderno; seguito da La storia come metodologia del fare architettonico.* Milano: Quodlibet, 2018.

REFERENCES

- Alberti, L.-B. (1935). *Ten books about architecture: In 2 vols. Vol. 1* (V. P. Zubov, Trans.). Izdatelstvo vsesoyuznoy Akademii arkhitektury. (In Russian).
- Ardizzola, P. (2018). History will teach us everything. Bruno Zevi and the Innovative Methodology for Future Design. *Esempi di Architettura*, 5(1), 5–11.
- Barthes, R. (1996). *Mythologies* (S. Zenkin, Trans.). Izdatel'stvo Sabashnikovykh. (In Russian).
- Bembel', I. O. (2023). Nikos Salingaros and his criteria for adaptive architecture. *Academic Bulletin of Uralniiproekt RAASN*, 2, 52–57. (In Russian).
- Besana, D., Greco, A., & Morandotti, M. (2018). Resilienza e sostenibilità per il riuso del patrimonio costruito. *Techne – Journal of Technology for Architecture and Environment*, 15, 184–192. <https://doi.org/10.13128/Techne-22093>
- Bojanić, P., & Đokić, V. (2015). La filosofia architettonica. *Rivista di estetica*, 58, 81–88. <https://doi.org/10.4000/estetica.427>
- Colucci, A. (2012). *Le città resilienti: approcci e strategie*. Jean Monnet Centre.
- Duarte, F., & Ratti, C. (2019). Designing cities within emerging geographies: The work of Senseable City Lab. In *The new companion to Urban Design* (pp. 561–570). Routledge.
- Eisenman, P. (2007). A reply to Jacques Derrida. In P. Eisenman, *Written into the void, selected writings 1990–2004* (pp. 1–5). Yale University Press.
- Foucault, M. (2006). Other spaces. In *Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews* (B. M. Skuratov, Trans.) (pp. 191–204). Praxis.
- Frigerio, E. (2014). *Slow architecture: istruzioni per l'uso*. LetteraVentidue Edizioni.
- Fromm, E. (1990). *To have or to be?* Progress. (In Russian).
- Longhi, A. (2019). Storie di architettura ecclesiale e processi di patrimonializzazione: valori, resilienza, adattività, riuso. *BDC. Bollettino Del Centro Calza Bini*, 19(1). 9–26. <https://doi.org/10.6092/2284-4732/7058>
- Markaryan, D. A. (Hieromonk Dometian). (2018). Some features of the architectural and landscape complex of an Old Russian monastery. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies"*, 3(13), 99–110. (In Russian).

- Ratti, C. (2004). Space syntax: Some inconsistencies. *Environment and planning B. Planning and Design*, 31(4), 487–499.
- Ratti, C., & Claudel, M. (2016). *The city of tomorrow: Sensors, networks, hackers, and the future of urban life*. Yale University Press.
- Rossi, A. (2017). *Architecture of the city* (A. Golubtsova, Trans.). Strelka Press.
- Vattimo, G. (1982). Abitare viene prima di costruire. *Casabella: Rivista internazionale di architettura*, 485, 48–49. (In Italian).
- Zevi, B. (1972). From the book “How to Look at Architecture”. In *Masters of Architecture about architecture* (pp. 466–488). Iskusstvo. (In Russian).
- Zevi, B. (1993). *Zevi su Zevi: architettura come profezia*. Marsilio.
- Zevi, B. (2004). *Saper vedere l’architettura. Saggio sull’interpretazione spaziale dell’architettura*. Einaudi.
- Zevi, B. (2018). *Architettura e storiografia: le matrici antiche del linguaggio moderno; seguito da La storia come metodologia del fare architettonico*. Quodlibet.

Материал поступил в редакцию 09.02.2025